

Конференция по разоружению

24 May 2011

Russian

Окончательный отчет об одна тысяча двести двадцать пятом пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, во вторник, 24 мая 2011 года, в 15 ч. 15 м.

Председатель: г-н Ван Цюнь..... (Китай)

Председатель (*говорит по-английски*): 1225-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Я с удовольствием приветствую обратно на Конференции по разоружению Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Ахмета Узюмджю.

Г-н Узюмджю был назначен Генеральным директором ОЗХО в декабре 2009 года на четырнадцатой сессии Конференции государств – участников Конвенции о запрещении химического оружия и приступил к своему мандату 25 июля 2010 года.

Непосредственно перед этим назначением он служил в качестве Постоянного представителя Турецкой Республики при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве и в качестве Постоянного представителя на Конференции по разоружению. В прошедшее десятилетие он также представлял Турцию в Североатлантическом совете и на Конференции по разоружению, в Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве. В особенности, он выступал в качестве Председателя Конференции по разоружению в 2008 году и внес свой вклад в работу Конференции.

Ему присуще обстоятельное понимание и значительное мастерство в военно-политических делах и в проблемах разоружения и нераспространения. Мало того, что этого человека отличают большие познания и приверженность Конференции по разоружению, теперь он обогатился и своим опытом в ОЗХО. Мы рады, что на этом критическом этапе он предоставляет себя в распоряжение Конференции по разоружению. И мы рассчитываем на его лепту.

Вам слово, г-н Узюмджю.

Г-н Узюмджю (Генеральный директор Организации по запрещению химического оружия) (*говорит по-английски*): Мне приятно и поистине почетно выступить на Конференции по разоружению и поделиться своими размышлениями о предприятии, которое было конкретно определено в этом самом органе почти двадцать лет назад. И я хотел бы поблагодарить вас, г-н Председатель, за предоставленную мне возможность.

Не могу сказать, что возвращение сюда, на Конференцию по разоружению, навевает мне старые воспоминания, ибо я меньше чем год назад покинул Женеву, чтобы принять свои обязанности в качестве Генерального директора Организации по запрещению химического оружия. Но это все же навевает мне очень приятные воспоминания. Для меня остается незабываемой коллегиальность Конференции по разоружению и товарищество, рожденное под влиянием чувства общей цели. Несмотря на некоторые из вызовов, с которыми сталкивается в настоящее время Конференция по разоружению, она остается уникальным органом с незаменимой ролью. Бытующие здесь интеллектуальное искусство и мастерство не имеют себе равных.

Одна только Конвенция по химическому оружию свидетельствует о важности Конференции по разоружению в качестве единственного у международного сообщества многостороннего форума переговоров по разоружению. И по мере того как данная Конференция стремится проторить дальнейшие маршруты с целью укрепления международной безопасности за счет разоружения и нераспространения, она может черпать вдохновение в своих собственных прошлых достижениях, таких как Конвенция по химическому оружию.

Конвенция является образцовой во многих отношениях. Она стала результатом общего видения, – видения мира, свободного от химического оружия,

и она была успешно заключена, ибо все стороны на переговорах были готовы пойти на компромиссы ради консенсуса. В этом процессе Конференция по разоружению создала разоруженческий и нераспространенческий инструмент, у которого нет прецедентов в истории контроля над вооружениями.

Это первый и пока единственный международный договор, который запрещает целый класс оружия массового уничтожения на условиях международной верификации.

Несмотря на определенные первоначальные сомнения по поводу жизнеспособности Конвенции, разоруженческий и нераспространенческий режим, который она создала, в своем функционировании превзошел все ожидания.

Конвенция представляет собой и политическое соглашение, и технический инструмент. Режим для реализации его положений строился с нуля. Результаты, которые она дает, носят существенный характер. А роль, которую она играет в продвижении целей глобальной безопасности, с каждым днем обретает все большее значение.

Членский состав ОЗХО насчитывает 188 стран. Так быстро квазиуниверсальности не достигал никакой другой многосторонний разоруженческий договор.

Проверяемым образом уничтожено более 65 процентов всех боевых химических веществ, объявленных по положениям Конвенции, включая и все запасы трех государств-участников.

Уничтожено либо перепрофилировано на мирные цели более 90 процентов из 70 объявленных объектов по производству химического оружия.

Недавно Организация провела свою рубежную 2000-ю промышленную инспекцию.

Программами и учебными курсами ОЗХО по международному сотрудничеству и помощи и защите от химического оружия воспользовались больше 8 000 человек.

Все эти индикаторы свидетельствуют о том, что соглашение было составлено добротнo и функционирует исключительно хорошо. И сейчас, спустя почти два десятилетия после его заключения и четырнадцать лет после его вступления в силу, нам нужно взять паузу и поразмыслить над тем, как адаптировать Конвенцию к требованиям новой эпохи.

Наши успехи носят значительный характер. Но с завершением крупной части нашей миссии по уничтожению химического оружия и в свете эволюции международной системы перед нами встает целый ряд вызовов. ОЗХО стоит на пороге крупной трансформации. В то же время происходят и кардинальные изменения в науке, технике и химической промышленности. Возникают также новые вызовы безопасности, и особенно асимметричные угрозы.

Большая часть остающегося совокупного глобального запаса находится в двух странах: в Российской Федерации и Соединенных Штатах. Несмотря на органический размах их обязательств, Соединенные Штаты и Российская Федерация уничтожили около 85 и 50 процентов своих соответствующих запасов. Между тем по Конвенции предельным сроком для полного уничтожения химического оружия является 29 апреля 2012 года.

Обе страны указали, что они не будут в состоянии уложиться в этот предельный срок. И хотя Конвенция не позволяет никакого дальнейшего продления

предельных сроков уничтожения, неминуемое неисполнение нужно рассматривать беспристрастно и объективно. Запасы, подлежащие уничтожению, носили массивный характер. Не менее грандиозный характер носили и усилия и ресурсы, требуемые для их ликвидации в условиях безопасности и в щадящем экологическом режиме; возможно, они были недооценены в то время, когда составлялась Конвенция. Соответствующее оружие защищено и будет оставаться предметом проверки со стороны ОЗХО до тех пор, пока оно не будет уничтожено. И поэтому я уверен, что государства – участники Конвенции по химическому оружию изыщут сбалансированный путь вперед, который сохранял бы и убедительность и целостность Конвенции. Консультации на этот счет уже идут.

Есть и еще два государства-участника, которые связаны обязательством уничтожить химическое оружие, наличествующее у них на территориях.

Особенную озабоченность вызывает ситуация в отношении Ливийской Арабской Джамахирии. Свои запасы, которые были регенерированы самостоятельно, государство-участник должно уничтожить к 15 мая 2011 года, а все категории химического оружия – к концу года. Между тем уничтожение было прервано из-за февральского отказа нагревательного оборудования на ликвидационном объекте. В качестве причины, мешающей доставке запасных частей и оборудования на ее объект по уничтожению химического оружия, Ливийская Арабская Джамахирия сослалась на эмбарго, введенное Советом Безопасности. В этом отношении я попросил совета у Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, и в настоящее время этот вопрос рассматривается учрежденным Советом Безопасности Комитетом по санкциям.

Между тем я напомнил ливийскому правительству о его международных обязательствах в плане соблюдения своих предельных сроков уничтожения, а также подтвердил его Национальному органу, что ответственность за физическую безопасность этого химического оружия целиком лежит на ливийском правительстве. Исполнительный совет выразил полную поддержку действиям, предпринимаемым секретариатом ввиду ситуации в Ливии, и побуждал меня продолжать свои усилия.

Тем временем Ливийская Арабская Джамахирия попросила продлить до 29 апреля 2012 года предельный срок для химического оружия категории 1, который истек на прошлой неделе. Исполнительный совет занимается этим вопросом с 9 мая и в понедельник на следующей неделе продолжит рассмотрение ливийского запроса на продление. Совет настоятельно призывает Ливийскую Арабскую Джамахирию обеспечить безопасность запасов химического оружия и их уничтожение в рамках установленных предельных сроков.

В начале 2009 года к Конвенции присоединился Ирак. Согласно Конвенции, любое химическое оружие, расположенное на территории государства-участника, нужно объявлять в ОЗХО. Ирак соответственно объявил о наличии с оружием, которое было приведено в негодность в ходе работ, санкционированных Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Поскольку оно захоронено в двух бункерах, которые не являются легкодоступными, особый вызов состоит в том, чтобы разработать программу, которая приведет к его безопасному уничтожению.

В тесном сотрудничестве с правительством Ирака и при поддержке Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) секретариат недавно провел в Ираке первоначальные инспекции объявленных объектов по производству и хранению химического оружия. Секретариат продолжает предоставлять Ираку необходимую поддержку, с тем что-

бы прояснить остающиеся вопросы, и в том числе найти путь вперед в отношении полной утилизации этого наследия.

ОЗХО будет и впредь проводить свою верификационную деятельность в отношении старого и оставленного химического оружия. В прошлом году начались операции на мобильном ликвидационном объекте, развернутом в Нанкине в Китае, и в предстоящие несколько лет, как ожидается, войдут в строй дополнительные объекты. Как ожидается, еще много лет будут происходить новые обнаружения старого и оставленного химического оружия, и будут по-прежнему применяться верификационные обязанности ОЗХО.

Подобно тому, как нам нужно обеспечивать уничтожение химического оружия, точно так же нам надо и предотвращать его возрождение – сейчас или в будущем, с тем чтобы химическое оружие уже никогда не использовалось вновь ни государствами, ни негосударственными субъектами. Это сложная задача, и она требует постоянного внимания и анализа.

По положениям Конвенции, за счет систематических объявлений, мониторинга и контроля промышленности, контроля над передачами химикатов и регламентационных мер с целью идентификации и отслеживания заботящих химикатов надлежит обеспечивать нераспространение.

Но инспекции химической промышленности со стороны ОЗХО и анализ данных об импорте и экспорте – это один аспект. Столь же важная ответственность лежит и на самих государствах-участниках. С целью осуществления их юридических обязательств по Конвенции от них требуется установить национальные законы и регламентации. Они должны быть в состоянии обнаруживать, отслеживать и преследовать любое нарушение Конвенции их гражданами в любом месте под их юрисдикцией или контролем.

В 2003 году, чтобы стимулировать эффективное национальное осуществление Конвенции на глобальной основе первая Конференция по рассмотрению действия Конвенции по химическому оружию приняла план действий.

В результате нашими государствами-участниками был достигнут значительный прогресс в установлении административных и правовых мер по осуществлению Конвенции. Неуклонно возрастает и число государств-участников, которые ввели всеобъемлющее законодательство.

Вместе с тем значительному числу государств-участников все еще нужно принять всеобъемлющее законодательство. ОЗХО предоставляет техническое содействие и поддержку любому государству-участнику, желающему реализовать национальные законодательные и административные меры. Эти программы облегчаются за счет финансовых взносов, получаемых от отдельных государств-членов и, что весьма значительно, – от Европейского союза. И я хочу, пользуясь возможностью, призвать соответствующие государства-участники ускорить процесс принятия национального законодательства, как это требуется по Конвенции.

Уникальным в своем роде примером является участие мировой химической промышленности в осуществлении Конвенции по химическому оружию. Это добавляет новую грань в концепцию публично-частного партнерства, что в данном случае призвано утверждать глобальный мир и безопасность.

Я приветствую химическую промышленность в связи с ее крупным вкладом в эффективное осуществление Конвенции, критически важным элементом чего является проверка промышленности.

Мы по-прежнему привержены укреплению вовлеченности и поддержки со стороны промышленности. Такое тесное сотрудничество необходимо по мере того, как ОЗХО стремится перенести свой акцент с сокращенной рабочей нагрузки в связи с разоруженческой проверкой на другие аспекты Конвенции, включая и будущие нераспространенческие императивы. А это потребует постепенного совершенствования и расширения деятельности по проверке промышленности, особенно на объектах категории "Другие химические производственные объекты". Число объектов, объявляемых по этой категории, является самым крупным и охватывает около 80 государств-участников. А между тем в процентном отношении доля инспекций тут относительно невелика. Многие объекты этой категории имеют органичную способность быстро перепрофилироваться на производство химикатов, фигурирующих в конвенционных перечнях.

Еще большее значение, как раз ввиду его нераспространенческой ценности, приобретает более пристальный мониторинг международной торговли заботящимися химикатами. Нашим государствам-участникам также придется играть проактивную роль в идентификации рисков в плане безопасности, возникающих в результате производства и сбыта токсичных химикатов. В будущем применение химического оружия в классическом военном смысле маловероятно. С другой стороны, более вероятным сценарием является использование токсичных химикатов, особенно в асимметричном ракурсе.

Наш ключевой вызов на будущее будет состоять в том, чтобы распространить проверку на новые химикаты и на новые средства и методы производства, которые то и дело эволюционируют в результате прорывов в сфере науки и технологии. Научно-консультативный совет ОЗХО в составе 25 видных ученых отвечает за обзор событий в этих сферах и за составление рекомендаций в расчете на поддержание эффективности верификационного режима.

Углубляя свои программы за счет перераспределения ресурсов, которые будут высвобождаться вследствие сокращения проверки уничтожения, мы будем стремиться придавать больше существа и нашим кооперативным программам. Они включают не только меры по осуществлению на национальном уровне, что является важнейшим элементом эффективного исполнения договора, но и наши программы в отношении помощи и защиты и международного сотрудничества. Эти мероприятия сплачивают наши государства-участники и вырабатывают чувство ответственности в рамках ОЗХО.

Статьи X и XI Конвенции охватывают международное сотрудничество и помощь. И эти сферы имеют особенную значимость для многих наших государств-членов, экономика которых развивается или находится на переходном этапе.

Современные угрозы безопасности, включая и возможность применения химического оружия негосударственными субъектами, генерируют новый интерес к способности ОЗХО координировать предоставление экстренной помощи государствам-участникам в случае нападения или угрозы нападения с применением химического оружия. Наши государства-участники также стремятся наращивать свои национальные потенциалы по борьбе с угрозами или фактическими происшествиями, сопряженными с применением химического оружия.

И тут речь идет о законных ожиданиях, ибо ОЗХО широко рассматривается как гарант защищенности от химического оружия. Сегодня это включает роль и потенциал Организации в сфере борьбы с терроризмом.

Свой вклад в усилия многих государств-участников в плане сокращения разрыва между присоединением к Конвенции и ее реализацией более эффективным образом вносят наши информационно-пропагандистские мероприятия и устойчивая программа помощи. Этот опыт может внести вклад в подобного рода текущие мероприятия, например, в контексте предстоящей обзорной Конференции государств – участников Конвенции о биологическом оружии и со стороны Организации Объединенных Наций, с тем чтобы содействовать всем ее государствам-членам в реализации резолюции 1540 (2004) Совета Безопасности.

Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, принятая в сентябре 2006 года, также побуждает ОЗХО и впредь помогать государствам наращивать свой потенциал по предотвращению доступа террористов к токсичным химикатам, с тем чтобы обеспечивать защищенность химических и смежных объектов и принимать эффективные меры в случае нападения с использованием таких материалов.

Аналогичным образом осязаемую выгоду нашим государствам-участникам дают мероприятия ОЗХО в сфере международного сотрудничества с целью поощрять мирное использование химии.

Они включают не только программы подготовки кадров в различных сферах химии, но и поддержку и спонсорство в отношении исследований, стажировок и конференций.

На мой взгляд, имеются значительные возможности для упрочения и повышения эффективности наших программ, которые поощряют расширение международного сотрудничества и наращивание потенциалов в наших государствах-участниках против как старых, так и новых угроз от химического оружия.

В рамках каркаса, рассчитанного на будущее, когда Организация переходит от функции преимущественно разоруженческого органа к функции органа, который рассчитан на современные вызовы и угрозы, углубление международного сотрудничества будет обеспечивать устойчивую поддержку целей ОЗХО в плане безопасности.

Конвенция по химическому оружию пользуется поддержкой своих 188 государств-участников, и эта цифра членского состава не имеет себе прецедентов с точки зрения темпов роста. Вне Конвенции остаются лишь семь членов Организации Объединенных Наций.

Применительно к договору, согласованной целью которого является полное устранение в мире химического оружия, те, кто не производит присоединение, оттягивают реализацию этой цели, ибо тут не может быть никакой юридической гарантии того, что одно или несколько государств-нечленов на деле не обладают химическим оружием. Для тех государств-участников, которые произвели и производят уничтожение своего химического оружия, эта ситуация особенно нежелательна. И до тех пор пока каждая и всякая страна не примет конвенционные правовые запрещения, мы не можем гарантировать, чтобы в один прекрасный день мир стал полностью свободным от химического оружия.

И поэтому нам надо и впредь поднимать проблему универсальности перед государствами-неучастниками. Некоторые из них ссылаются на свои региональные трения. По моему мнению, за счет присоединения к Конвенции их региональная безопасность будет не уменьшена, а упрочена. Без химического оружия любой регион гораздо безопаснее, чем с химическим оружием. Последний раз химическое оружие использовали террористы в Японии и бывший ре-

жим Ирака. И эти злополучные ассоциации должны эффективно исключить возможность того, чтобы оно когда-либо было использовано какой-то цивилизованной страной. И вот тогда и встает вопрос о мудрости сохранения возможности выбора в пользу химического оружия.

Вот таковы морально-этические соображения, которые, как я надеюсь, пристально рассмотрят государства-неучастники. Все они являются членами Организации Объединенных Наций, а несколько – и членами Конференции по разоружению.

Здесь, в этом органе, вы стремитесь продвигать разоружение и нераспространение. Это торжественная ответственность. И вам надо с надеждой смотреть в будущее. Но это будущее должно зиждиться на достижениях прошлого, и существенным компонентом тут является Конвенция по химическому оружию. Поощрение ее универсальности придаст больше доверия и убедительности усилиям в рамках данной Конференции и отдельным членам Конференции, которые приемлют Конвенцию.

Все мы уповаем на конференцию 2012 года, как было решено самой недавней обзорной Конференцией по ДНЯО. Поскольку она призвана способствовать достижению такой цели, как регион, свободный от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, ОЗХО была идентифицирована как организация, чей опыт имеет значение. И мы готовы внести свой вклад в успех этой инициативы.

Я также надеюсь, что и применительно к другим регионам, таким как Корейский полуостров, в повестку дня будущих диалогов, рассчитанных на продвижение регионального мира и безопасности, будет включаться и поощрение участия в Конвенции по химическому оружию.

В предстоящие годы ОЗХО столкнется с необходимостью важных решений. Они касаются перебалансировки наших программ и мероприятий, с тем чтобы лучше обслуживать новые приоритеты и реагировать на ход развития науки и технологии и быстро эволюционирующие разработки в сфере химии и производственной технологии. И наша ключевая цель состоит в том, чтобы с таким трудом доставшиеся нам конвенционные запрещения сохраняли свою значимость на все грядущие времена.

В настоящее время перспективы ОЗХО рассматривает независимая консультативная группа экспертов. Обсуждать эти важные вопросы будут и наши государства-участники. И пользуясь возможностью, я воздаю должное их преданности и твердой приверженности, что является самой что ни на есть важной причиной успеха ОЗХО как многостороннего проекта.

Достичь согласия по проблемам такой фундаментальной значимости – дело нелегкое. И тем не менее, когда ты твердо держишь в поле зрения более крупное благо, достижение прогресса должно оказаться возможным.

Конвенцией по химическому оружию Конференция по разоружению сделала крупный шаг по пути к миру, навсегда избавленному от оружия массового уничтожения. И я надеюсь, что ее прогресс и образцовый стиль, в каком ведут себя члены ОЗХО, могут стать источником вдохновения для Конференции по разоружению ради достижения еще больших успехов на службе международному миру и безопасности.

Желаю Конференции по разоружению всяческих успехов.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю Генерального директора за его заявление по широкому спектру проблем разоруженческого свойства. Я особенно признателен за успешную летопись ОЗХО, которой он поделился с нами, что дает нам пищу для размышлений и, надеюсь, вдохновит нас в этом зале и тем самым позволит нам работать больше, дабы содействовать работе Конференции. Ну а теперь я хотел бы прервать заседание на пару минут, чтобы иметь возможность сопроводить Генерального директора из зала Совета.

Заседание прерывается в 15 ч. 40 м. и возобновляется в 15 ч. 45 м.

Председатель (*говорит по-английски*): Я хотел бы перейти ко второму пункту повестки дня на сегодня, а именно к продолжению обмена взглядами по программе работы Конференции, в соответствии с документом CD/WP.565/Rev.1.

(продолжает по-китайски)

Сейчас под китайским председательством у нас на пленарном заседании проходит третий тур дискуссии по программе работе. В ходе предыдущих дискуссий, позаботившись о том, чтобы это происходило без ущерба для права каждого члена выдвигать свои собственные взгляды, мы сумели провести обмен взглядами среди делегаций по ряду специфических вопросов, касающихся программы работы, как то: какие элементы считаются абсолютно невозможными для рассмотрения и какие считаются непреложными для программы работы. В ходе этих двух туров дискуссий в пленарном формате делегации очень активно и инициативно выступали со своими взглядами и предложениями, многие из которых давали пищу для размышлений. Одни члены считают необходимым иметь всеобъемлющую и сбалансированную программу работы. Для других программа работы должна включать четкий рабочий мандат, тогда как для третьих мандат должен содержать кое-какие новые формулировки. Для них важно, чтобы началась предметная работа Конференции. Ну и еще некоторые страны предложили иметь упрощенную программу работы, без мандата, состоящую лишь из графика работы. Как Председатель я хотел бы поблагодарить всех вас за ваши лепты в эти дискуссии. Я верю и надеюсь, что такого рода открытые и транспарентные межправительственные дискуссии благоприятствуют нашим усилиям с целью достичь скорейшего исхода по программе работы и начать предметную работу Конференции.

Важность программы работы очевидна сама по себе. В этом буквально и состоит ключ к развертыванию различных направлений работы Конференции. И я надеюсь, что делегации в полной мере востребуют это пленарное заседание – последнее под председательством Китая – по программе работы, и я надеюсь, что вы будете и впредь инициативно выступать со своими идеями и взглядами и по стоящим перед нами вопросам.

Ну а теперь мы открываем прения. Согласно списку ораторов, я хотел бы дать слово уважаемому послу Венгрии.

Г-н Декань (Венгрия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я имею честь выступить от имени Европейского союза.

К этому заявлению присоединяются страны-кандидаты: Турция, Хорватия, бывшая югославская Республика Македония, Черногория и Исландия; страны – участники процесса стабилизации и ассоциации и потенциальные кандидаты: Албания, Босния и Герцеговина, Сербия; а также Украина, Республика Молдова, Армения и Грузия.

Я хотел бы от имени Европейского союза выразить теплые приветствия, г-ну Токаеву и поздравить его с назначением в качестве Генерального секретаря Конференции по разоружению и личного представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на Конференции. Мы рассчитываем на сотрудничество с вами, г-н Токаев, по всем проблемам, представляемым Конференции по разоружению, и мы в особенности хотели бы заверить вас, что мы будем и впредь поддерживать усилия, прилагаемые вами вместе с чередующимися председательствами, с тем чтобы преодолеть давнишний тупик на Конференции по разоружению.

Что касается программы работы Конференции, то позвольте мне напомнить суть нашей позиции, которую мы уже излагали в нескольких заявлениях в ходе первой части сессии 2011, а именно: Европейский союз отводит четкий приоритет немедленному началу и скорейшему завершению переговоров на Конференции по разоружению по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств на основе документе CD/1299 от 24 марта 1995 года и содержащегося в нем мандата, который был впоследствии подтвержден в CD/1864. Мы также считаем, что существуют меры укрепления доверия, которые могут быть приняты немедленно, без необходимости дожидаться начала официальных переговоров. Вот почему мы призываем все государства, обладающие ядерным оружием, объявить и выдерживать мораторий на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Европейский союз также по-прежнему готов включиться в предметную дискуссию и по другим пунктам, которые были включены в CD/1864: о практических шагах с прицелом на поступательные и систематические усилия по сокращению ядерного оружия с конечной целью его ликвидации, и в том числе о подходах к потенциальной будущей работе многостороннего характера; обо всех проблемах, имеющих отношение к предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве; и об эффективных международных соглашениях о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия; а также о других проблемах повестки дня Конференции.

Председатель (*говорит по-китайски*): Я хотел бы поблагодарить посла Венгрии за его заявление.

Слово имеет уважаемый посол Корейской Народно-Демократической Республики.

Г-н Со Се Пхён (Корейская Народно-Демократическая Республика) (*говорит по-английски*): Так как это официальное пленарное заседание, я еще раз тепло поздравляю Генерального секретаря Токаева.

Г-н Председатель, Корейская Народно-Демократическая Республика высоко ценит ваши текущие усилия. И я хотел бы, пользуясь возможностью, еще раз заверить вас в нашей полной поддержке.

Корейская Народно-Демократическая Республика придает большое значение Конференции по разоружению, которая является единственным многосторонним органом переговоров по разоружению и имеет насущное значение для достижения ядерного разоружения.

Высочайшим приоритетом для моей делегации, как и для абсолютного большинства государств – членов Конференции, остается ядерное разоружение.

Поскольку моя делегация при каждом удобном случае представляет свою позицию по программе работы, я хотел бы сегодня кратко повторить некоторые ключевые элементы, подлежащие рассмотрению в ходе наших дискуссий по программе работы Конференции.

Во-первых, программа работы должна предусматривать переговорный мандат по ядерному разоружению.

Во-вторых, в программе работы следует также поистине предусмотреть проблемы негативных гарантий безопасности и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

В-третьих, программа работы должна носить инклюзивный и сбалансированный характер и в полной мере отражать законные интересы безопасности каждой страны и быть приемлемой для всех государств-членов.

Чтобы сделать это, Конференция должна поддерживать правило консенсуса и проводить непредвзятые дискуссии по всем проблемам в условиях транспарентности. В то же время следует избегать любых действий, которые могли бы быть сопряжены с негативным эффектом для принятия программы работы.

В этом отношении моя делегация рассчитывает на непрерывные усилия в русле принятия программы работы Конференции и в полной мере готова вносить свой вклад с этой целью.

Наконец, г-н Председатель, делегация Корейской Народно-Демократической Республики будет и впредь тесно сотрудничать с вами и сохранять позитивную вовлеченность в работу Конференции.

Председатель (*говорит по-английски*): Я хотел бы поблагодарить уважаемого посла Корейской Народно-Демократической Республики за его заявление, и особенно за важный тезис, который он высказал.

Не хотела ли бы какая-либо делегация взять слово на данном этапе?

Слово имеет уважаемый посол Германии.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы прежде всего солидаризироваться с заявлением Европейского союза. Вдобавок я хотел бы в особенности поздравить нового Генерального секретаря Конференции г-на Токаев с назначением и пожелать ему успехов в его взыскательной задаче.

Г-н Председатель, мы приветствуем то обстоятельство, что вы запланировали дискуссии конкретно по программе работы. Мы считаем, что нам небесполезно вновь и вновь напоминать себе, что на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению в 1978 году международное сообщество четко учредило Конференцию по разоружению в качестве переговорного органа, тогда как Комиссии Организации Объединенных Наций по разоружению была отведена роль дискуссионного органа в сфере разоружения. К сожалению, в силу многих факторов оба органа много лет не выполняют свои соответствующие функции и задачи сколько-либо удовлетворительным образом.

Конференция по разоружению, как все мы знаем, с тех пор как она свершила свое последнее переговорное достижение – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, больше 14 лет находится в застое. И с тех пор она бьется над вопросом о том, а что же делать дальше в ракурсе переговоров по международным инструментам в сфере разоружения.

Несколько раз Конференция, казалось, была близка к согласию. В мае 2009 года был фактически достигнут консенсус по программе работы, что было

с ликованием отмечено в разоруженческих кругах и в разоруженческом сообществе всего мира. Только вот позднее выяснилось, что одна делегация передумала; и вот с тех пор, поманеврив какое-то время, она открыто, практически единолично, блокирует принятие программы работы на основе майского консенсуса 2009 года.

Проведение много десятилетий заседаний Конференции по проблемам нашей повестки дня не является субститутотом для выполнения нашей реальной задачи, а именно: для проведения переговоров относительно международных инструментов по разоружению и нераспространению. Похоже, что Конференция упускает из виду этот очень простое обстоятельство. Глубоко удручает тот неприемлемый факт, что, несмотря на шквал активности, который наблюдала Конференция на этой сессии – в этом зале и в его кулуарах, ситуация на Конференции остается неизменной.

Наша делегация весьма ценит мобилизованность Генерального секретаря Организации Объединенных Наций г-на Пан Ги Муна с целью привлечь внимание к экстренности этого вопроса. Совсем недавно я видел статью на французском языке, которая была озаглавлена очень лаконично: "Неприемлемо, что Конференция по разоружению остается парализованной".

Точно так же моя делегация весьма ценит и то, как в том же ключе высказался сегодня утром и вновь назначенный Генеральный секретарь Конференции. По нашей оценке, здесь в зале по-прежнему существует квазиконсенсус по программе работы на основе майского консенсуса 2009 года, как отражено в CD/1864. И мне не ведомо ни о каком подходе, который еще больше приближался бы к консенсусу.

Мы по-прежнему призываем все стороны открыть путь к началу нашей работы на этой основе. Делегации не должны злоупотреблять правилом консенсуса, чтобы накладывать вето на начало переговорного процесса. Мы по-прежнему убеждены, что наиважнейшая задача любого председательства на Конференции по разоружению состоит в том, чтобы всемерно попытаться идентифицировать подход, который позволили бы нам делать нашу реальную работу, а именно, повторяю еще раз: вести переговоры относительно инструментов по разоружению.

Мы благодарим председательство за его мобилизованность в этом отношении и желаем ему успеха, в котором мы так остро нуждаемся.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое вам спасибо, посол Хоффман, за ваше заявление.

Как я вижу, слова просит уважаемый представитель Российской Федерации. Вам слово.

Г-н Васильев (Российская Федерация): Г-н Председатель, моя делегация признательна вам за организацию сегодняшней дискуссии в формате пленарного заседания. Я так понимаю, что решение о созыве пленарного заседания отражало пожелание многих делегаций продолжать обсуждение ситуации на Конференции по разоружению, и в частности вести поиски в отношении программы работы нашего форума.

С уважением выслушав и разделяя многие мысли, которые только что были высказаны уважаемым представителем Германии, я вместе с тем вынужден, наверное, констатировать, что диалог по программе работы у нас не совсем получается, в то время как уже сегодня, – как отмечалось и Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, и назначенным сегодня утром новым

Генеральным секретарем Конференции по разоружению и личным представителем Генерального секретаря г-ном Токаевым, – складывается достаточно критическая ситуация в отношении Конференции по разоружению. И может сложиться такая ситуация, когда решения о будущем данного органа будут приниматься где-либо в другом месте, а не здесь, на Конференции по разоружению.

Мы уже слышали предложение относительно проведения пленарного заседания Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в июле, есть также идея относительно рассмотрения данного вопроса в ходе работы Первого комитета Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций осенью этого года.

Мы знаем, что здесь, в Женеве, будет собираться Консультативный совет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения, который также будет рассматривать будущее многостороннего разоруженческого механизма.

В этой связи нам, вероятно, самым следовало бы предпринять, может быть и неоднократно, мозговой шторм (brainstorming) относительно того, как мы видим выход из сложившейся ситуации и как мы можем содействовать выходу Конференции из тупика и нахождению согласия по программе работы.

В этой связи следующему Председателю Конференции по разоружению – Колумбии – было бы, наверное, полезно собрать сначала неофициальные консультации, где мы могли бы предметно обсудить те вопросы, ту ситуацию, которая сейчас, к сожалению, складывается на Конференции.

В противном случае, к сожалению, мы не сможем разделить оптимизм нашего вновь назначенного Генерального секретаря, а будем уже вынуждены плыть по течению и ждать, когда решения относительно судьбы нашего органа будут приняты в другом месте.

Председатель (*говорит по-английски*): На протяжении председательства Китая меня восхищают колоссальные усилия координаторов: например, Джованни Манфреди созывал по договору о прекращении производства расщепляющегося материала неофициальные совещания, сопряженные с весьма интенсивными взаимодействиями. А вот только что я внимательно выслушал заявление уважаемого представителя Российской Федерации о его впечатлении от здешней дискуссии в контексте программы работы.

Слово имеет уважаемый представитель Алжира.

Г-н Хелиф (Алжир) (*говорит по-арабски*): Г-н Председатель, делегация Алжира не собиралась брать слово, но, услышав заявления делегаций по программе работы, мы хотим поднять кое-какие вопросы на этот счет. Однако сперва мы хотели бы подтвердить неизменную убежденность Алжира в важности Конференции по разоружению как единственного многостороннего форума переговоров по разоруженческим проблемам.

Алжир выдвигал много предложений, включая и предложение пятерки послов 2001-2002 годов и предложение CD/1864, представленное в консультации с председателями Конференции 2009 года. Но, к сожалению, все эти инициативы не позволили Конференции продвинуться вперед.

Разумеется, Алжир все еще поддерживает предложение 2009 года, содержащееся в CD/1864, в качестве отправной точки для предметной работы по четырем стержневым проблемам повестки дня Конференции по разоружению.

Мы слышим много позиционных заявлений или, скорее, угроз на тот счет, чтобы прибегнуть к иным форумам, нежели Конференция, с тем чтобы принять решения относительно работы Конференции. И вопрос тут вот в чем: как Конференции выйти из нынешнего тупика? Идет ли речь просто о том, чтобы начать переговоры по одной конкретной проблеме? Или же паралич охватывает несколько пунктов повестки дня? Есть ли другие варианты, которые можно было бы рассмотреть? Например, на предыдущих заседаниях была сделана ссылка на возможность склониться в пользу упрощенной программы работы, сопоставимой с той, которая принималась в 1970-е годы и предусматривала учреждение рабочей группы без четкого круга ведения.

И опять же, и это просто вопрос или дискуссионный тезис: почему бы не вернуться к подходу, практиковавшемуся в программе работы, которая применялась в 1980-е годы, когда программа рассматривалась просто как перечень мероприятий? В те дни содержание дискуссий по повестке публиковалось и фиксировалось в годовом докладе, а учреждение вспомогательных органов рассматривалось как отдельный вопрос от программы работы. Такие органы учреждались на основе консенсуса. Возможно, эта консенсусная формула позволила бы начаться переговорам по некоторым из стоящих перед нами важных проблем.

Что касается ключевого мандата Конференции по разоружению, а именно мандата переговорного, то мы просто хотим напомнить, что любые переговоры в рамках или за рамками Конференции по разоружению требуют предварительных предметных дискуссий. Можно отметить, например, что, хотя Конференция по разоружению была учреждена в 1978 году, первый правовой инструмент был принят только в 1993 году, т.е. спустя 15 лет после ее учреждения. И все это время существовала программа работы, но Конференция по разоружению была избавлена от той паникерской риторики, с какой мы сталкиваемся сегодня: либо мы начнем переговоры, либо мы прибегнем к другим форумам за рамками Конференции по разоружению.

Нам, пожалуй, нужно больше терпения и больше переговоров и консультаций между собой, с тем чтобы найти формулу, по которой мы сможем достичь согласия, дабы сохранить Конференцию по разоружению и позволить нам двигаться вперед. Ибо мы не считаем, что обращение к альтернативным по отношению к Конференции по разоружению форумам для переговоров по расщепляющемуся материалу, по негативным гарантиям безопасности или по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве позволит нам установить необходимую политическую основу для достижения согласия по эффективным международным инструментам.

Председатель (*говорит по-английски*): Прежде чем предоставить слово другим делегациям, у меня есть предложение, а также кое-какие замечания.

Без ущерба для настроения делегаций и не желая вдаваться в политические дебаты по вопросу о программе работы, я как Председатель весьма предпочел бы сосредоточиться именно на проблемах, которые нужно разбирать в контексте программы работы. Вот почему я и сказал, что вопрос не в том, что я восхищаюсь оживленными взаимодействиями в контексте неофициальных заседаний, а в том, что на пленарных заседаниях, если бы делегациям было позволено провести обмен лептами по вопросу о программе работы, они могли бы делать это. Да вот и только что уважаемый представитель Российской Федерации сказал, что, по его впечатлению, тут нет никакой дискуссии по программе работы.

Так что в данном конкретном контексте и с вашего позволения и понимания я, как Председатель, поставил бы перед вами два вопроса. Основополагающая цель состоит в том, чтобы стимулировать дискуссию, а не навязывать вам вопрос, на который вам нужно дать ответ. Если вы думаете, что эти вопросы были бы для вас полезны, то вы можете выступить со своими взглядами, и не обязательно в политическом разрезе. Но если вы думаете, что они бесполезны, то вы можете просто проигнорировать эти лепты со стороны Председателя. Но в целом важно то, чтобы от вас исходили лепты. Применительно к нашей программе работы сейчас у Китая как у Председателя, быть может, слишком мало времени, ибо вскоре мы завершим свое председательство. Тем не менее эти лепты могут иметь важное значение для наших коллег в рамках остающегося председательства. И именно в этом контексте я и хотел бы выступить с некоторыми вопросами в свете замечаний со стороны уважаемого представителя Алжира, а также заявления, сделанного послом Германии Хоффманом.

В общем, я в принципе хотел бы предложить обмен взглядами по двум вопросам.

Во-первых, наш уважаемый коллега сказал, что CD/1864 – это хороший документ. Пока я исполняю функции председательства, мне не пристало входить в суть дела. Тем не менее у меня складывается впечатление, – по крайней мере такое впечатление у меня возникло от того, что проявилось в зале, – что CD/1864 является консенсусным документом. Речь идет о документе, который, по крайней мере на мой взгляд, является сбалансированным документом и хорошей основой для всякого дальнейшего прорыва. Но вопрос в том, что, хотя CD/1864 и был заключен, если мы стремимся к достижению дальнейшего прогресса, то как нам ввести его в действие? Мы не можем просто цепляться за изначальную формулировку CD/1864. Как мне думается, нам будет важно изясняться ясно, а то и еще яснее. Когда мы говорим, что это сбалансированный документ, как мы рассматриваем баланс этого документа? Моя цель при постановке этого вопроса, в сущности, состоит в том, чтобы мы подумали, а как нам сохранить направленность баланса, как это воплощено в CD/1864, и в то же время сохранить способность двигаться вперед. Вот в чем тут вопрос.

С тем чтобы стимулировать дискуссию, я бы сказал, что если мы посмотрим на рабочие группы, которые подлежат учреждению в контексте CD/1864, например с точки зрения мандата, то мандат одних характеризуется как "ведет переговоры" или "для обмена взглядами и информацией", а некоторых других как "для обсуждения по существу". Эти элементы, собственно, имеют важное значение, когда речь идет о мандатах этих рабочих групп, как только они будут достигнуты в рамках общего соглашения.

Но, на мой взгляд, баланс в документе не ограничивается только такими словами, как "переговоры", "обмен... информацией" и "обсуждение по существу". Составитель весьма мудро посеял в этом документе и много других семян баланса. Например, если вы посмотрите на мандат в ракурсе конкретных задач, которые должны быть охвачены этими рабочими группами, то CD/1864 говорит о "практических шагах с целью поступательных и систематических усилий", о "договоре", обо "всех проблемах... без ограничения...", а также о "рекомендациях, касающихся всех аспектов...".

Так что, как видите, в документе прослеживается тонкий баланс. И это, собственно, должно побудить нас подумать о том, что нам следует быть в состоянии выдерживать баланс направленности CD/1864, как он был изначально задуман и учитывает озабоченности всех стран. Вот, собственно, один вопрос,

который требует дальнейшего обследования. И если бы делегации захотели получить какие-то лепты на этот счет, то это было бы полезно.

Второй вопрос я хотел бы поставить перед вами в связи с тезисом, высказанным уважаемым послом Германии Хоффманом, например, в плане соотношения между переговорами и дискуссиями. Как мне думается, он прав, когда говорит, что Конференция по разоружению является переговорным органом. В своем заявлении, как мне думается, он сказал, что задачей этого органа является ведение переговоров относительно международных инструментов по разоружению и нераспространению. И мне это импонирует.

Не желая вступать в политические дебаты, но для практических целей нам нужно понять, что же такое есть дискуссия? В чем разница между дискуссией, или предметной дискуссией, в соотношении с переговорами? В каком контексте вы ведете рассуждение – в грамматическом или лингвистическом контексте или же в контексте политическом? С той оговоркой, что, на мой личный взгляд, мы не обязаны соглашаться или нет, исходя из простых фактов. Например, аксиомой является то, что уже налаженный процесс, ведущий к договору, например, не может не быть квалифицирован как переговоры. Как можно сказать, что тут речь идет о дискуссии? Даже если мы согласны вступить в переговорный процесс; мы достигли согласия; мы намерены о чем-то провести переговоры. Ну а как можно назвать долгий, неуловимый процесс продолжительностью 5, 8 или 10 лет в русле перспективных "переговоров" по договору?

В общем, я веду речь о природе предприятия: г-н Хоффман говорит, что мы бьемся над вопросом о том, а чем же нам заняться дальше в плане переговоров. В общем, в каком ракурсе нам следует рассматривать природу этого предприятия? Следует ли нам рассматривать его в лингвистическом контексте, грамматическом контексте, т.е. как характеризовать переговоры в соотношении с дискуссиями, или же нам следует смотреть на это в контексте цели? В контексте цели: выступает ли в качестве цели договор о прекращении производства расщепляющегося материала? Что мы должны будем делать? В практическом отношении: как нам, будучи движимыми целью, двигаться вперед, сосредоточившись на практических эффектах?

Вот в общем кое-какие из моих разрозненных мыслей. Я должен ограничивать себя и не говорить слишком много, но, чтобы стимулировать дискуссию, я хотел бы поставить перед вами эти вопросы. Можете взять меня на мушку, потому что, в сущности, цель состоит в том, чтобы не подхлестывать политические дебаты, а, скорее, сказать, как нам лучше всего, взломав лед, двигаться вперед. В чем состоит реальная проблема с нашей программой работы? Г-н Васильев прав: у нас нет дискуссий, у нас нет реальных дискуссий. Ну а что же тогда вы, г-н Васильев, например, думаете об этих двух вопросах, которые я выдвинул, без ущерба для других коллег? Только не вступайте со мной в политические дебаты; я этого не хочу. Если так, то я очень недемократично завершу заседание (*смеется*). Но я бы приветствовал, если бы все другие захотели присоединиться к дискуссии, сосредоточившись на существовании самих вопросов.

Вам слово, г-н Васильев.

Г-н Васильев (Российская Федерация) (*говорит по-английски*): Ну, раз вы говорили по-английски, я тоже попытаюсь ответить по-английски.

Дорогой Председатель и дорогой друг, я меньше всего думаю о том, чтобы вступать с вами в политические дебаты. Да вы ведь и наверняка знаете, что мы как большие добрые братья, так что у нас нет никаких политических дебатов – у нас есть только политическая дружба.

В общем, я имел в виду лишь одну простую вещь, а именно: нам нужно найти подходящий форум для рассмотрения серьезных вопросов, которые стоят перед нами. Тут есть своего рода снежный ком проблем, и этой весной эти вопросы опять же будут очень скоро дискутироваться здесь, в Женеве, – Консультативным советом по вопросам разоружения и на Генеральной Ассамблее – в Первом комитете. Как мы знаем, некоторые делегации готовятся к этим событиям либо путем подготовки проектов резолюций, либо путем обмена идеями о том, как урегулировать эти вопросы. По крайней мере, моя делегация тоже будет заинтересована в участии в такого рода мозговом штурме между собой, чтобы посмотреть, как нам сберечь Конференцию по разоружению. Некоторые из идей, которые вы подняли в своих вопросах, включают следующее: Что такое программа работы? Каково соотношение между дискуссиями и переговорами? Если, наконец, мы возьмем договор, то мы можем ли мы сказать, что дискуссии, которые мы ведем на первом этапе, являются переговорами? Все ли мы будем удовлетворены, если мы примем программу работы, которая не содержит слово "переговоры", а содержит лишь слово "дискуссии", хотя все мы понимаем, что в какой-то момент эти дискуссии могут привести к договору? И т.д. и т.п.

Я не думаю, что формат пленарного заседания совершенно правилен, и вы абсолютно правы, что здесь мы делимся своими политическими подходами. По крайней мере, что касается моей делегации, то мы уже, по различным поводам, четко выражали свою позицию в отношении документа CD/1864 и других документов, включая и ваши предложения по программе работы. Но что нам нужно, так это обстоятельная дискуссия о Конференции по разоружению, о ее роли в будущем и о том, как преодолеть все вызовы, с которыми мы столкнемся в самом близком будущем.

Председатель (*говорит по-английски*): Я думаю, что момент, поднятый представителем Российской Федерации, особенно актуален. Как мне думается, было бы неплохо, – на что, к сожалению, у нас нет времени, – если бы и официальные и неофициальные заседания позволили рассмотреть вопрос о программе работы, с тем чтобы эти две параллели могли сойтись вместе. Кроме того, я усматриваю достоинства в обсуждении этого вопроса в контексте неофициальных заседаний.

Слово имеет уважаемый посол Германии.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Я, собственно, даже несколько заколебался с интерпретацией своего собственного заявления, но, поскольку вы попытались вызвать дискуссию на этот счет и намекнули на мое заявление, я подумал, что я мог бы добавить несколько слов.

Как вы, наверное, заметили, в своем заявлении я вообще никак не касался вопроса об альтернативах. Речь об этом пойдет как-нибудь потом. Как мне думается, в подходящий момент нам придется обсудить это на данном форуме, прежде чем мы прервем работу и отправимся в Нью-Йорк, ибо, как все знают и как ссылался на это наш российский коллега, там продолжаются дискуссии. Но сегодня я совершенно умышленно вообще не касался этого вопроса. Я хотел лишь высказать несколько самых элементарных тезисов на тот счет, что мы не являемся дискуссионным органом – мы являемся органом переговорным.

Конечно, вы правы, когда говорите, как я вас понимаю, что между дискуссиями и переговорами нет абсолютной разницы, ибо в реальной практике, когда смотришь на переговорную историю договоров, нередко случалось, что они начинались в очень замедленном дискуссионном режиме, а потом каким-то

образом трансформировались в переговоры. Это, конечно, верно, но после 14 лет таких попыток поддерживать это становится несколько труднее. Это один момент.

Вот почему я думаю, что сейчас, спустя столь долгое время, важно напомнить себе, какая актуальная задача стоит перед нами. Я бы сказал, что когда вы констатируете, что многие делегации, включая и мою собственную, не привозят сюда своих технических экспертов, исходя из того, что мы в общем-то не рассматриваем серьезно определенную проблему даже в смысле предпереговоров, то это о чем-то говорит. Мы, собственно, весьма далеки от того, что вы могли бы назвать квазипереговорами, и это очень плачевно. Кое-кто утверждает, что дискуссии есть хорошее дело, и в принципе в качестве вывода из этого они говорят: в чем же тут проблема? Как мне думается, важно сказать, что тут есть проблема, когда спустя 14 лет мы, пожалуй, не приблизились к тому, что можно было бы назвать своего рода реальным переговорным процессом. Технически говоря, я бы сказал в своей книге, что переговоры начинаются тогда, когда вы имеете дело с проектом, когда вы работаете над формулировкой, которую вы кладете на бумагу, о чем вы хотите договориться, даже если это совершенно противоречиво. Но у вас есть перед собой нечто в письменном виде. Ну а когда вы продолжаете продолжительные более или менее академичные дебаты, технические дебаты того или иного рода, не выкристаллизовывая это так или иначе в тексте, то я думаю, что нам до этого еще очень далеко. И всем нам важно понимать ситуацию как она есть в реальности.

Председатель (*говорит по-китайски*): Я тщательно выслушал воззрения нескольких коллег по программе работы Конференции по разоружению. После трех туров пленарных дискуссий и исходя из моих собственных соответствующих консультаций с государствами-членами, я в целом думаю, что стороны еще придерживаются разных взглядов насчет согласования программы работы, и поэтому, как мне думается, сейчас еще не созрели условия для выдвижения предлагаемой программы работы под китайским председательством. В будущем мы можем продолжать обсуждение этого важного вопроса как на пленарных, так и на неофициальных заседаниях. В то же время явно нельзя сказать, что Конференция по разоружению не имеет основы, на которой можно было бы принять программу работы. Одной такой основой является документ CD/1864.

И я хотел бы подчеркнуть, что сейчас я хочу поделиться своими взглядами не как Председатель, а как представитель Китая. Во-первых, документ CD/1864 является сбалансированным документом. Он сбалансирован в каждом аспекте, и он закладывает хорошую основу.

(*продолжает по-английски*)

Это хороший базовый документ – от мандата до конкретных компонентов в отношении различных рабочих групп, предусмотренных в документе CD/1864. Они в целом одинаково сбалансированы. Например, что касается мандата, то мандат одних рабочих групп предусматривает переговоры. Мандат других предусматривает предметную дискуссию, а мандат третьих – обмен взглядами и информацией. Конкретные компоненты применительно к рабочим группам тоже носят в целом сбалансированный характер: одни нацелены на договор, другие нацелены на практические шаги, а третьи нацелены на рекомендации. Это первый момент.

Второй момент заключается в том, что делегации и впрямь разошлись по важной проблеме программы работы Конференции по разоружению. Одни страны – в контексте программы работы, с точки зрения мандата – хотят вести

переговоры, тогда как другие настаивают на дискуссиях. Но, с другой стороны, нам уже не следует упускать из виду два следующих фактора: во-первых, никто на Конференции до сих пор не пытался оспорить начало предметной работы на основе всеобъемлющей, сбалансированной программы работы, которая, в сущности, естественным образом охватывает договор о прекращении производства расщепляющегося материала. Во-вторых, нам не следует упускать из виду то обстоятельство, что, в сущности, все стороны, особенно с начала этого года, приходили на заседания Конференции с серьезным и конструктивным настроением, и в том числе по договору о прекращении производства расщепляющегося материала.

Вот в чем состоит основа для складывающегося консенсуса, и нам не следует этим пренебрегать. И хотя кое-кто может расценить вышеупомянутый складывающийся общий консенсус, или основу для консенсуса, как нечто незначительное, это не следует умалять. С другой стороны, как бы замечательны они ни были, не следует и чрезмерно выпячивать нынешние дебаты Конференции относительно соотношения переговоров с дискуссиями, тем более что конференционное дело не носит лингвистический характер. Ведь аксиома состоит в том, что если будет достигнут договор, то процесс, ведущий к его заключению, не может не быть переговорами. Ну а даже если никто и не стремится оспорить, что следует развернуть переговорный процесс, мог бы иметь место значительный скептицизм на тот счет, что этот процесс действительно мог бы генерировать нечто в этом роде, пока договор продолжительное время остается неуловимым.

Таким образом, нам следует изъясняться ясно, а то и еще яснее на тот счет, чего мы хотим – "переговоров" или договора о прекращении производства расщепляющегося материала? И над этим вопросом, как мне думается, нам следует очень серьезно поразмыслить. Если целью поистине является договор о прекращении производства расщепляющегося материала, то нам следует поразмыслить над этим вопросом всерьез и на основе CD/1864.

Вот, в сущности, какое ощущение мы испытываем, особенно исходя из того, что проявилось в ходе китайского председательства. Я хотел бы поделиться с вами этим ощущением, особенно ради будущего председательства, в связи с программой работы. Ввиду нынешнего состояния, и особенно расхождений по программе работы, Китай не предполагает вносить программу работы, равно как и не предполагает выступить даже с неофициальным документом в своем личном качестве. Но я поистине надеюсь, что мы будем фокусироваться на реальном эффекте и реально сфокусируемся на цели в духе инновационного мышления. И вот мне и захотелось поделиться этим с вами в своем национальном разрезе в том, что касается программы работы.

Не хотела ли бы взять слово и выступить на данном этапе какая-либо делегация? Если нет, то я завершу это пленарное заседание.

Как думаю, на этом и завершаются наши дела на сегодня. Следующее пленарное заседание состоится в зале Совета в четверг, 26 мая, в 10 ч. 00 м. Но перед этим, завтра, мы созовем в 15 ч. 00 м. неофициальное заседание по комбинации пунктов 5, 6 и 7 повестки дня под координацией посла Беларуси Хвостова.

Заседание закрывается в 16 ч. 45 м.